

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

Федеральное государственное

Образовательное учреждение высшего образования

«Астраханский государственный университет»

(Астраханский государственный университет)

Кафедра английской филологии

Письменный перевод

по книге

«Islam and Resistance in Afghanistan»

Перевод стр. с 10 по 17

для сдачи кандидатского экзамена

по иностранному языку

(английский)

Выполнила:

Афганьяр Наргис,

Аспирантка кафедры исторической науки и

археологии

Астрахань-2019 г.

Chapter One

State and society in Afghanistan

The spontaneous uprisings against the communist regime which broke out in 1978 and 1979 were directed as much against the state itself as against the Marxist government.

The imposition of communism on the country may be seen as a new and even more radical phase of the penetration of the countryside by the state bureaucracy.

These two dimensions, opposition to the state and the rejection of Marxism, are closely interlinked.

Yet the attitude of the countryside towards the state has always been more ambivalent than might at first appear: the Afghan state was born in the tribal lands; the symbols of authority which it exercises are not foreign to peasant experience and many of the leaders of the resistance movements visualized a state-for them an Islamic state.

At the same time the recent history of Afghanistan is one of revolts against the central power and of resistance to the penetration of the countryside by state bureaucracy.

To oppose state and society is always somewhat artificial. Yet in Afghanistan this separation is rooted in everyday experience.

Глава первая

Государство и общество в Афганистане

Спонтанные восстания против коммунистического режима, вспыхнувшие в 1978 и 1979 годах, были направлены как против самого государства, так и против марксистского правительства.

Навязывание коммунизма в стране можно рассматривать как новую, еще более радикальный период проникновения в село государственной бюрократии.

Эти два измерения, противостояние государству и неприятие марксизма, тесно взаимосвязаны.

И все же отношение сельской местности к государству всегда было более противоречивым, чем может показаться на первый взгляд: афганское государство родилось на племенных землях; Символы власти, которые он осуществляет, не чужды крестьянскому опыту, и многие из лидеров движений сопротивления представляли государство - для них исламское государство.

В то же время недавняя история Афганистана является одним из восстаний против центральной власти и сопротивления проникновению в сельскую местность государственной бюрократии.

Противостоять государству и обществу всегда несколько искусственно. И все же в Афганистане это разделение

It is apparent in rural villages, where the administrative buildings are set apart from the people's dwellings. It may be seen in the clothes worn and the general behavior of individuals performing their roles in society.

And it makes itself felt in the patterns of everyday speech. ' For the peasant the state is alien, and the relationship between the peasantry and the state official is characterized by a profound and mutual contempt.

In fact, there is only one real town, Kabul, the capital, where, of course, the distinction between state and society is blurred.

But there are really two Afghanistans: first there is the town (shahr), the place of innovation (bid'at); this is the natural environment of the civil servant, the teacher, the soldier and the communist, all "intellectuals" and "bare-heads" (sar-luchak), held to be unbelievers and arrogant; and secondly the province (atraf), the home of religion, tradition (sunnat) and values which stand the test of time. The game of politics is played out against each of these two backdrops.

In the town, politics (siyasat) is followed attentively by students and the middle classes, whose very existence is bound up with the state, whereas it holds little interest for the peasant who only gets news of what is happening in the town when he fiddles with the knobs

коренится в повседневной жизни. Это очевидно в сельских деревнях, где административные здания отделены от жилищ людей. Это может быть видно по ношенной одежде и общему поведению людей, выполняющих свои роли в обществе.

И это проявляется в моделях повседневной речи. «Для крестьянина государство чуждо, а отношения между крестьянством и государственным чиновником характеризуются глубоким и взаимным презрением.

Фактически, существует только один реальный город, столица, Кабул, где, конечно, грань между государством и обществом размыта.

Но на самом деле есть два афганца: во-первых, это город (шахр), место инноваций (бид'ат); это естественная среда государственного служащего, учителя, солдата и коммуниста, всех «интеллектуалов» и «обнаженных людей» (сар-лучак), которых считают неверующими и высокомерными; и, во-вторых, провинция (атраф), дом религии, традиций (sunnat) и ценностей, которые выдерживают испытание временем. Игра в политику разыгрывается против каждого из этих двух фонов.

В городе за политикой (siyasat) внимательно следят студенты и средние классы, само существование которых связано с государством, в то время как оно мало интересует крестьянина, который получает новости о том, что происходит в

<p>on his radio in search of music</p> <p>The "double-dealing of kings" (padshahgardi) only affects him when it threatens to disturb the pattern of his daily life in some way. In the countryside the drama of politics revolves around the struggle for local pre-eminence carried on by the khans.</p> <p>They strive to enlarge their patronage, to be deferred to as judges in local disputes and thus increase their wealth and extend their family connections.</p> <p>In tribal zones this struggle is sometimes violent, but it is carried on behind closed doors; whatever the outcome it never has any effect on the traditional Social structure.</p> <p>There is constant interaction between these two social worlds. The form it usually takes is the gradual wearing away of rural society by the growth of state institutions and the tapping of state resources for the private use of groups within the community.</p> <p>Or it may take the more turbulent form of a cultural revolution instigated from above, as was the case with King Amanullah from 1924 to 1928, and under the Khalq regime in 1978 and 1979), accompanied by a general uprising in the countryside in the name of jihad (as in 1928 and 1979).</p>	<p>городе, когда он возится с ручками на своем радио в поисках музыки.</p> <p>«Двойное обращение с королями» (падшахгарди) затрагивает его только тогда, когда оно угрожает каким-либо образом нарушить его повседневную жизнь. В сельской местности драма политики вращается вокруг борьбы ханов за местное превосходство.</p> <p>Они стремятся расширить свое покровительство, чтобы их можно было рассматривать в качестве судей в местных спорах, и таким образом увеличивать свое богатство и расширять семейные связи.</p> <p>В племенных зонах эта борьба иногда носит насильственный характер, но она ведется за закрытыми дверями; Независимо от результата, он никогда не влияет на традиционную социальную структуру.</p> <p>Между этими двумя социальными мирами существует постоянное взаимодействие. Обычно она принимает форму постепенного истощения сельского общества в результате роста государственных институтов и использования государственных ресурсов для частного использования групп внутри сообщества.</p> <p>Или же он может принять более бурную форму культурной революции, спровоцированной сверху, как это было в случае с королем Амануллой в 1924–1928 годах и при режиме Халька в 1978 и 1979 годах), что сопровождалось общим восстанием в сельской</p>
---	--

In these times of crisis ideological divisions transcend the narrower village and tribal groupings, which nevertheless still make themselves felt in the forms of political organization (including that of the communist party).

What distinguishes the two camps - neither of which can be described as stable or homogeneous-cannot really be defined in sociological terms; it is their relation to the realm of politics that counts.

The stereotype which equates the town with progress and the countryside with tradition has little basis in reality. In both town and country there is a wide range of diversity; they are both constantly changing though there is a core of continuity.

Urban society has changed a great deal since the time when it consisted almost entirely of a royal court and a bazaar; now, besides the aristocracy, there is a new state bourgeoisie of officials, students and soldiers whose very existence depends on the institutions of the state, though it must be added that real power within these institutions eludes them.

Another stratum of the middle class which has been of importance since the thirties comprises those who make their

местности во имя ofjihad (как в 1928 и 1979 годах).

В эти кризисные времена идеологические разногласия выходят за рамки узких сельских и племенных группировок, которые, тем не менее, все еще ощущаются в формах политической организации (в том числе и в коммунистической партии). То, что отличает два лагеря, ни один из которых не может быть охарактеризован как стабильный или однородный, в действительности не может быть определено в социологических терминах; это их отношение к сфере политики, которая имеет значение.

Стереотип, приравнивающий город к прогрессу, а деревню к традициям, имеет мало оснований в реальности. Как в городе, так и в деревне существует широкий спектр разнообразия; они оба постоянно меняются, хотя есть ядро преемственности.

Городское общество сильно изменилось с тех пор, как оно почти полностью состояло из королевского двора и базара; теперь, кроме аристократии, существует новая государственная буржуазия чиновников, студентов и солдат, само существование которой зависит от государственных институтов, хотя следует добавить, что реальная власть в этих институтах ускользает от них.

Другой слой среднего класса, который имел значение с тридцатых годов, состоит из тех, кто

living by trade.

In the countryside a complex pattern of different ethnic groups, whose identity is not clearly defined, is the basis for subtle inequalities of status and differ range from the dominant ethnic group, the Pashtun, to isolated groups such as the artisans in tribal zones, who have only a negative identity, for they are placed even lower than the lowest rung of the ladder of ethnic relationships with the state.

They groups. Since the end of the last century, migrations, evictions and modifications occurring in the social structure itself have thrown the country into turmoil, especially in the north.

The introduction of a market economy, the increase in population and the intervention of the state have all accentuated divisions within society and created the conditions for the emergence of a class of well-to-do property owners and entrepreneurs living around the towns; radios and lorries mean that news now travels faster.

We should also distinguish between the tribal and the non-tribal zones, even if the line between the two is often blurred. Every Afghan is linked to the past by a line of ancestors traced back through his father.

He is also conscious of belonging to a

зарабатывает на жизнь торговлей. В сельской местности сложная структура различных этнических групп, чья идентичность четко не определена, является основой для тонкого неравенства в статусе и варьируется от доминирующей этнической группы пуштунов до изолированных групп, таких как ремесленники в племенных зонах, которые имеют только отрицательную идентичность, поскольку они находятся даже ниже, чем самая низкая ступенька лестницы этнических отношений с государством.

Они группы. С конца прошлого века миграции, выселения и изменения, происходящие в самой социальной структуре, привели страну в смятение, особенно на севере.

Внедрение рыночной экономики, рост населения и вмешательство государства - все это усилило раскол в обществе и создало условия для появления класса зажиточных собственников и предпринимателей, живущих в городах; радиоприемники и грузовики означают, что новости теперь распространяются быстрее.

Мы также должны различать племенные и не племенные зоны, даже если граница между ними часто размыта. Каждый афганец связан с прошлым рядом предков, прослеженных через его отца.

Он также осознает принадлежность к

larger entity which takes the form of a more or less endogenous community (the gawm), whether its sociological basis is tribe, clan, professional group (gawm of the mullahs or of Barbaras), caste (the bari of Nuristan), religious group (the sayyad), ethnic group (munjani), village community or simply an extended family. We will reserve the term 'tribe' (gabila) for the gawms having traditional rights and customs, a system within Islam of autonomous values (honors, vengeance, etc.), and a complex of specific institutions.

These are essentially the Pashtun zones of the east where we find the pashtunwali (which is at one and the same time both a code and an ideology) and the institution of the jirga, the assemblies of all the men in the tribe.

Moreover, the great tribes (Mohmand, Jadran, Jaji, etc.) have territorial bases. For the Pashtun of the west, essentially the Durrani, the case is more complex.

There is certainly a tribal memory, in the sense that belonging to the tribe and the clan is something of which people are well aware and quite happy to talk about.

Their allegiance is directed towards the great families, such as the royal family, or, in the case of the Popolzay tribe, the Karzay; they also respect the tribal mythology of the great jirga and the

более крупному субъекту, который принимает форму более или менее эндогенного сообщества (gawm), независимо от того, является ли его социологическая основа племенем, кланом, профессиональной группой (gawm мулл или барбаров), кастой (бари Нуристана), религиозная группа (сайяд), этническая группа (мунджани), деревенская община или просто расширенная семья. Мы резервируем термин «племя» (габила) для гаумов, имеющих традиционные права и обычаи, систему в исламе автономных ценностей (честь, месть и т. Д.) И комплекс конкретных институтов. По сути, это пуштунские зоны на востоке, где мы находим пуштунвали (который одновременно является и кодом, и идеологией) и институт джирги, собрания всех людей в племени.

Кроме того, у великих племен (Моманд, Ядран, Джаджи и т. Д.) Есть территориальные основы. Для пуштунов на западе, по существу, дуррани, дело более сложное. Конечно, существует племенная память, в том смысле, что принадлежность к племени и клану - это то, о чем люди хорошо осведомлены и с удовольствием говорят.

Их верность направлена на великие семьи, такие как королевская семья или, в случае с племенем поползай, карзай; они также уважают племенную мифологию великой

principle of egalitarianism. However, Durrani tribal institutions are nothing like as strong as those of the tribes of the eastern part of the country, or those of the Ghilzay.

On the other hand the influence of the 'ulama is stronger amongst the Durrani. Is it possible, then, to speak of a process of detribalization?

In fact, it seems that the Durrani have never been as conscious of their tribal affinities as people in the east; having always had a closer relationship with the structures of the state (Safavides, then the Amir of Kabul), they have, in a very short time, developed a kind of aristocracy reinforced by gifts of land made by the monarchy (this is the system of jagir).

Yet the Durrani form an integral part of the Pashtun tribal world, and are looked upon as its cradle. Although there has never been such a thing as an Afghan nation, there is certainly an Afghan state whose history can be traced. In this respect the locus of power may be pinpointed.

But it is more difficult to document in political terms the ways in which society has attempted to evade, to infiltrate or even to radically oppose the state, in so far as the latter has not suddenly emerged as an abstract entity, but is historically rooted in a specific sector of society: the tribal

джирги и принцип эгалитаризма. Однако племенные институты дуррани ничем не уступают таковым у племен восточной части страны или у гильзая.

С другой стороны, влияние улама сильнее среди дуррани. Можно ли тогда говорить о процессе детрибализации?

На самом деле, кажется, что дуррани никогда не осознавали своей родовой принадлежности так же, как люди на востоке; всегда имея более тесные отношения со структурами государства (Сефевиды, затем Амир Кабула), они за очень короткое время развили своего рода аристократию, подкрепленную дарами земли, сделанными монархией (это система Ягира).

И все же дуррани образуют неотъемлемую часть племенного мира пуштунов и считаются его колыбелью. Хотя никогда не было такого понятия, как афганская нация, безусловно, существует афганское государство, историю которого можно проследить. В этом отношении локус власти может быть точно определен.

Но в политическом плане труднее задокументировать способы, которыми общество пыталось уклониться, проникнуть или даже радикально выступить против государства, поскольку последнее не возникло внезапно как абстрактная сущность, а исторически укоренилось

confederation.

We shall, therefore, now trace the history of the state back to its origins and consider the interrelationship between state and society.

The origins of the Afghan state The tribal confederation.

The Afghan state was established in the eighteenth century, when a tribal confederation developed into a dynastic state.

In 1747 Ahmad Shah, of the Saddozay clan of the Popolzay tribe, led an Abdali confederation, now known as the Durrani, in the conquest of the area between Persia and the river Indus.

The Saddozay dynasty was to be followed in 1818 by another Durrani dynasty, the Muhammadzay clan of the Barakzay tribe, which held power until 1978.

The confederation (ulus) was held together by the common aim of conquering neighboring areas with a view to pillaging or exacting tribute. The political and military forms of this period were characteristic of tribal warfare.

War was a short-lived affair troops that went into battle were selected from the total number of warriors under arms (lashkar). The framework was that of traditional society, but the lashkar usually had a supreme and temporary

в определенный сектор общества: племенная конфедерация. Поэтому мы теперь проследим историю государства до ее истоков и рассмотрим взаимосвязь между государством и обществом.

Истоки афганского государства Племенная конфедерация

Афганское государство было создано в восемнадцатом веке, когда племенная конфедерация превратилась в династическое государство.

В 1747 году Ахмад-шах из клана Саддозай племени Поползай возглавил Конфедерацию Абдали, ныне известную как Дуррани, во время завоевания области между Персией и рекой Инд.

В 1818 году за династией Саддозай должна была следовать другая династия Дуррани, клан Мухаммадзая племени Баракзай, который удерживал власть до 1978 года.

Конфедерация (урус) была объединена общей целью завоевания соседних районов с целью разграбления или взыскания дани. Политические и военные формы этого периода были характерны для племенной войны.

Война была недолгим делом, войска, которые пошли в бой, были отобраны из общего числа воинов под оружием (лашкара). В основе лежало традиционное общество, но у лашкара обычно был верховный и

leader whose room for man oeuvre was limited, for he was always suspected of favoring his own clan.

He was first and foremost a warrior chief, with whom his followers entered into a contract. His right to lead was based upon the fact that he had been enthroned by a great tribal jirga (an assembly of all the warriors).

The great jirga was the founding myth of the Afghan state and was to be re-enacted in periods of crisis (as for the enthronement of Nadir Khan in 1929).

There was no spirit of patriotism, but a profound sense of cultural identity.

One's allegiance belonged to the restricted group and the tribal code (pashtunwali), not to the Pashtun community or to the state; to join the enemy in order the better to affirm the tribal values (vengeance or self-assertion) was not seen as constituting treachery.

"To exercise pashtu" (to identify oneself with values) was more important in the context of the tribe than "to be a Pashtun" (to be identified with an ethnic community or a nation).

From the Amir to the state

The relationship between the tribal confederation and the centralized state is not to be compared with the relationship

временный лидер, чьи возможности для маневра были ограничены, поскольку его всегда подозревали в том, что он поддерживает свой собственный клан.

Он был в первую очередь воином, с которым его последователи заключили договор. Его право руководить было основано на том факте, что он был возведен на престол великой племенной джиргой (собранием всех воинов).

Великая джирга была основополагающим мифом об афганском государстве и должна была быть воспроизведена в периоды кризиса (как в случае возведения на престол Надир-хана в 1929 году).

Не было духа патриотизма, но было глубокое чувство культурной самобытности.

Верность принадлежала группе с ограниченным доступом и кодексу племени (пуштунвали), а не общине пуштунов или государству; присоединиться к врагу, чтобы лучше утвердить племенные ценности (месть или самоутверждение), не считалось предательством.

«Осуществлять пушту» (отождествлять себя с ценностями) было более важным в контексте племени, чем «быть пуштуном» (отождествляться с этнической общностью или нацией).

От Амира к государству

Отношения между конфедерацией племен и централизованным государством не следует сравнивать с

one finds in Morocco between dar as-siba and dar al-makhzan, that is to say between a tribal zone which is autonomous and a zone which is controlled by the central power.

The Afghan tribes (especially the Durrani, but also the Ghilzay) see the central power as their representative; it manages on their behalf the conquests that they have made together in order that the material benefits or the glory may be later shared out.

The tribes see the state as existing on the periphery, responsible for administering land whose boundaries are constantly fluctuating on account of conquests carried out by the tribal confederations, in respect of which the state is no more than the means of continuity.

As far as their own territory is concerned, the presence of the state would seem to be redundant and totally unnecessary.

The historical mission of the Afghan state may be summarized as an attempt to reverse this relationship in order to pass from the periphery to the center.

But the state was never to escape the implications of the original principle which gave it legitimacy and, even when it became most Westernized, it was to remain tribal and Pashtun.

отношениями, которые можно найти в Марокко между дар ас-сибой и дар аль-махзаном, то есть между автономной племенной зоной и контролируемой зоной. центральной властью.

Афганские племена (особенно дуррани, а также гильзай) видят в центральной власти своего представителя; от их имени он управляет завоеваниями, которые они совершили вместе, чтобы впоследствии можно было делиться материальными благами или славой. Племена видят государство как существующее на периферии, ответственное за управление землей, границы которой постоянно колеблются из-за завоеваний, осуществляемых племенными конфедерациями, в отношении которых государство является не более чем средством преемственности.

Что касается их собственной территории, присутствие государства может показаться излишним и совершенно ненужным.

Историческая миссия афганского государства может быть резюмирована как попытка переломить эти отношения, чтобы перейти от периферии к центру.

Но государству никогда не удавалось избежать последствий первоначального принципа, который придал ему легитимность, и, даже когда оно стало наиболее западным, оно должно было оставаться племенным и пуштунским.

The history of the Afghan state (dawlat) from 1747 to the present is bound up with the search on the part of the state bureaucracy (hukummat) for autonomy from the tribes.

The state bureaucracy has escaped the influence of tribalism in the sense that individual tribes no longer retain specific responsibilities, but it is still subject to the patronage of the qawm.

The summit of power in the state still belongs to the Muhammadzay establishment.

The development of state institutions has brought into being new social strata (intelligentsia, army, a state bourgeoisie), a product of the government education system which has experienced considerable growth since 1950.

(The number of students has grown from 450 in 1945 to 7,000 in 1975, 90 per cent of whom are destined to become employees of the state.)

These new social strata are not easily absorbed by traditional society, but at the same time they wield little influence within the state to which they owe their professional and ideological existence, for the state is, as it were, the reason for their existence.

In the process which has seen state bureaucracy extend to the whole of the

История афганского государства (давлат) с 1747 года по настоящее время связана с поиском со стороны государственной бюрократии (хукумата) автономии от племен. Государственная бюрократия избежала влияния трибализма в том смысле, что отдельные племена больше не несут конкретных обязанностей, но все еще находятся под покровительством квоума. Саммит власти в государстве все еще принадлежит истеблишменту Мухаммадзая.

Развитие государственных институтов привело к появлению новых социальных слоев (интеллигенция, армия, государственная буржуазия), продукту государственной системы образования, которая значительно выросла с 1950 года.

(Число студентов выросло с 450 в 1945 году до 7 000 в 1975 году, 90 процентов из которых должны стать государственными служащими.)

Эти новые социальные слои нелегко поглощаются традиционным обществом, но в то же время они оказывают незначительное влияние в государстве, которому они обязаны своим профессиональным и идеологическим существованием, поскольку государство как бы является причиной их существования.

В процессе, когда государственная бюрократия распространилась на всю

<p>country (both tribal and non-tribal zones), the state has made use of three modes of persuasion in order to gain legitimacy: tribalism, Islam and nationalism.</p> <p>When the Durrani dynasty was founded in 1747, a specific and autonomous locus of power was established.</p> <p>The state that was created was a prize to be competed for in accordance with certain relatively precise rules</p> <p>One clan was certain to provide the sovereign (Saddozay until 1818 and Muhammadzay until 1978), then matrimonial alliances between families were created, from which there sprang up a complex pattern of factions intriguing against each other.</p> <p>This brought tribes other than the Durrani into the picture, usually through the mothers of the pretenders to the throne.</p> <p>The responsibilities of state were shared out amongst the great Durrani families (this was to remain true until 1973, at least as far as the army was concerned).</p> <p>There was no shortage of pretenders, who usually sprang from the immediate family (brothers and cousins),¹ since Muslim law does not recognize the right of progeny- ture.</p> <p>The choice was made either by consensus (the jirga) or by having</p>	<p>страну (как племенные, так и не племенные зоны), государство использовало три способа убеждения для получения легитимности: трибализм, ислам и национализм.</p> <p>Когда династия Дуррани была основана в 1747 году, был создан особый и автономный центр власти.</p> <p>Созданное государство было призом, за который нужно было бороться в соответствии с определенными относительно точными правилами. Один клан, несомненно, предоставил суверена (Саддозай до 1818 года и Мухаммедзай до 1978 года), после чего были созданы супружеские альянсы между семьями, из которых возникла сложная схема группировок, интригующих друг против друга.</p> <p>Это привело к появлению на снимке других племен, кроме дуррани, обычно через матерей претендентов на престол.</p> <p>Обязанности государства были распределены между великими семьями Дуррани (это должно было сохраняться до 1973 года, по крайней мере, в отношении армии).</p> <p>Не было недостатка в претендентах, которые обычно происходили из ближайших родственников (братьев и двоюродных братьев) ¹, так как мусульманское законодательство не признает право первородства.</p> <p>Выбор был сделан либо путем консенсуса (джирги), либо путем</p>
---	---

<p>recourse to arms.</p> <p>The conflicts were often symbolic and, because all the pretenders were members of the Durrani, the decision was taken by the non-Durrani Pashtun tribes.</p> <p>The original tribalism was reinforced by matrimonial alliances, in which only the wives which had come from distinguished families had any political influence.</p> <p>Thus an establishment came into being based upon Durrani aristocracy and the great families which had become linked with it.</p> <p>This establishment was cut off from its tribal origins in the sociological sense: neither the tribal code, nor the attachment to tribal zones, nor the Pashtun language retained any relevance.</p> <p>But the mythological reference to the tribal past which legalized their position still had a large part to play, as did the influence of groups under their patronage and genealogies.</p> <p>It is in this sense that we may speak of a tribal state.¹ From the very first right up to the present, the state has been the driving force behind modernization, provided support for new ideas and legitimized them.</p> <p>Until the reign of Abdurrahman (1880-1901), the institutions of state were indistinguishable from the court, though even by the time of Dost Muhammad (1835-63) the need for an army which</p>	<p>обращения к оружию.</p> <p>Конфликты часто носили символический характер, и, поскольку все претенденты были членами дуррани, решение было принято пуштунскими племенами, не являющимися дуррани.</p> <p>Первоначальный трайбализм был подкреплён супружескими альянсами, в которых политическое влияние имели только жены из выдающихся семей.</p> <p>Таким образом, истеблишмент возник на основе аристократии дуррани и связанных с ним великих семей.</p> <p>Это учреждение было отрезано от его племенного происхождения в социологическом смысле: ни племенной кодекс, ни привязанность к племенным зонам, ни пуштунский язык не сохранили актуальности.</p> <p>Но мифологическая ссылка на прошлое племени, узаконившее их положение, все же сыграла большую роль, равно как и влияние групп под их патронажем и родословными.</p> <p>Именно в этом смысле мы можем говорить о племенном государстве¹.</p> <p>С самого первого вплоть до настоящего времени государство было движущей силой модернизации, обеспечивало поддержку новых идей и узаконивало их.</p> <p>До правления Абдурахмана (1880-1901) государственные институты были неотличимы от двора, хотя даже ко времени Дост Мухаммеда (1835-63) необходимость в армии,</p>
---	--

<p>was something more than a simple lashkar had become apparent.</p> <p>The reforms carried out by Abdurrahman were not based on any reformist ideology.</p> <p>His conception of modernization was purely pragmatic: to rationalize the institutions of the state to make them more efficient, without thereby affecting traditional society.</p> <p>New techniques were adopted and key sectors were reformed, but in a piecemeal fashion.</p> <p>Nevertheless, this started a slow process of modernization which filtered through the body of society; but this process was a by-product and not an end in itself.</p> <p>Increasing state power meant starting with the army; for that it was necessary to increase the supply of weapons and money, to create a manufacturing industry and to rationalize the fiscal system.</p> <p>Overnight, the state began to intervene in the economy and divide the country into neat blocks for administrative and military purposes.</p> <p>At the same time, the Amir, in order to curtail the influence of tribalism, for the first time focused attention upon the legal function of Islam: as Amir by divine right and defender of the faith he imposed the shari'at in order the better</p>	<p>которая была чем-то большим, чем простой лашкар, стала очевидной ,</p> <p>Реформы, проведенные Абдуррахманом, не были основаны на какой-либо реформистской идеологии.</p> <p>Его концепция модернизации была чисто прагматичной: рационализировать институты государства, чтобы сделать их более эффективными, не затрагивая при этом традиционное общество. Новые методы были приняты и ключевые сектора были реформированы, но по частям.</p> <p>Тем не менее, это начало медленный процесс модернизации, который просочился через тело общества; но этот процесс был побочным продуктом, а не самоцелью. Увеличение государственной власти означало начать с армии; для этого необходимо было увеличить поставки оружия и денег, создать обрабатывающую промышленность и рационализировать фискальную систему.</p> <p>В одночасье государство начало вмешиваться в экономику и делить страну на аккуратные блоки для административных и военных целей.</p> <p>В то же время Амир, чтобы ограничить влияние трибализма, впервые обратил внимание на законную функцию ислама: будучи Амиром по божественному праву и защитнику веры, он ввел шариат,</p>
--	--

<p>to enforce state laws.</p> <p>He attempted to integrate the clergy with the secular institutions of state by control of the madrasa, the wagf, and of their wages, even going so far as to intervene in the theological domain</p> <p>The introduction of these purely pragmatic reforms was carried out within the framework of the traditional exercise of power in medieval Islam: the de facto power of the Amir, who had come out top in the contest within the tribe, was legalized by the consensus of the tribes and by the ceremony of enthronement carried out a posteriori by the ulama.</p> <p>In his turn the Amir was charged with the responsibility of ensuring public well-being (maslahat) and with the task of defending the religion.</p> <p>Within this framework the technical reforms carried out by Abdurrah- man did not arouse any opposition.</p> <p>It was not just the introduction of piecemeal modernization within state institutions which was to bring society face-to-face with modernity.</p> <p>In Afghanistan, as elsewhere, it is not modernization (the introduction of new technological methods or the rationalization of some state institutions) which brings problems, but modernity, the hypothesis which holds</p>	<p>чтобы лучше обеспечивать соблюдение законов штата. Он пытался интегрировать духовенство со светскими государственными институтами, контролируя медресе, вагф и их заработную плату, даже доходя до того, чтобы вмешиваться в теологическую сферу. Введение этих чисто прагматических реформ было проведено в рамках традиционного осуществления власти в средневековом исламе: фактическая власть эмира, который одержал верх в борьбе в племени, была узаконена консенсусом племенами и церемонией возведения на престол апостериорного улама.</p> <p>В свою очередь, на Амира была возложена ответственность за обеспечение общественного благосостояния (маслахат) и за защиту религии. В этих рамках технические реформы, проведенные Абдуррахманом, не вызвали противодействия.</p> <p>Это было не просто введение частичной модернизации в государственных институтах, которая должна была поставить общество лицом к лицу с современностью. В Афганистане, как и везде, возникают проблемы не с модернизацией (внедрением новых технологических методов или рационализацией некоторых государственных институтов), а с</p>
--	--

that modernization must necessarily involve a "cultural revolution", a transformation of the way of thinking and the adoption of new social paradigms.

A new policy was adopted under Amanullah (1919-29): faced with the fact that modernization had met with certain insurmountable obstacles, the state attempted to reshape and reintegrate civil society.

The arguments used, borrowed from the European Enlightenment and from the salafiyya (a reformist movement), in favor of education and progress, but spiced with a certain anti-clericalism, were authoritarian in nature and tended towards state control.

In Afghanistan, the main lines of thought of modernist elites were laid down as early as 1911, with Tarzi in the newspaper Seraj-ul Akhbar (1911-19), and were to remain unchanged by later groups including the communists, for whom the main obstacle in the way of progress was the alienation and the illiteracy of the peasants.

A complete revolution of outlook, controlled at a distance by the central power, was the condition of progress.

современностью - гипотезой, согласно которой модернизация должна обязательно включать «культурную революцию», трансформация мышления и принятие новых социальных парадигм.

При Аманулле (1919-29) была принята новая политика: столкнувшись с тем фактом, что модернизация натолкнулась на определенные непреодолимые препятствия, государство попыталось изменить и реинтегрировать гражданское общество.

Используемые аргументы, заимствованные у европейского Просвещения и салафийи (реформистского движения) в пользу образования и прогресса, но приправленные определенным антиклерикализмом, носили авторитарный характер и имели тенденцию к государственному контролю.

В Афганистане основные направления мышления модернистских элит были заложены еще в 1911 году, когда Тарзи был опубликован в газете «Серадж-уль-Ахбар» (1911–1919 годы), и оставались неизменными для последующих групп, включая коммунистов, для которых основным препятствием на пути прогресса стало отчуждение и неграмотность крестьян.

Полная революция мировоззрения, контролируемая на расстоянии центральной властью, была условием

The question of education became the recurring theme in progressive rhetoric.

" From 1924, the consensus between state and society, which rested largely upon a mutual indifference, was broken.

The result of the slow process which resulted in the separation of the institutions of the state from society was the creation of a new political space, an urban space whose denizens were moved by values imported from a West which was more imagined than real.

It was then, and only then, that a "tradition" came into being in response to the ever widening gulf between the people and those who held the reigns of power.

In one sense, traditional society, far from existing in its own right, now became the pole of opposition to the state.

Conversely, it became the shadowy projection of all the state was not, for, in order to arrive at a definition of itself, the state was forced to invent a changeless, frozen world which had remained the same for centuries, incapable of coming to full consciousness of itself without enlightenment.

Here we see the significance of such

прогресса. Вопрос об образовании стал постоянной темой в прогрессивной риторике.

«С 1924 года консенсус между государством и обществом, который в значительной степени опирался на взаимное безразличие, был нарушен.

Результатом медленного процесса, который привел к отделению государственных институтов от общества, стало создание нового политического пространства, городского пространства, жители которого были перемещены ценностями, импортированными с Запада, который был скорее воображаемым, чем реальным.

Именно тогда и только тогда возникла «традиция» в ответ на постоянно растущую пропасть между людьми и теми, кто властвовал во власти.

В каком-то смысле традиционное общество, далеко не существующее само по себе, теперь стало полюсом противостояния государству.

И наоборот, это стало темной проекцией всего государства, поскольку для того, чтобы прийти к определению самого себя, государство было вынуждено изобрести неизменный, замороженный мир, который оставался неизменным на протяжении веков, incapable к полному Самосознание без просветления.

Здесь мы видим значение таких

metaphors as dawn, light, torch (seraj), which became current at the end of the nineteenth century as a challenge to a seemingly obscurantist rural world.

The status of the intellectual rose at the expense of that of the religious scholar.

A good example of the views of the intelligentsia, whether liberal, Marxist or even radical Islamist, is to be found in the Kabul Times of 29 August 1970 (the constitutional and royalist period):

"What our peasants really need is for all those quaint ideas to be flushed out of their brains .. ."

метафор, как рассвет, свет, факел (seraj), которые стали актуальными в конце девятнадцатого века, как вызов, казалось бы, мракобесному сельскому миру.

Статус интеллектуала повысился за счет религиозного ученого.

Хороший пример взглядов интеллигенции, будь то либеральной, марксистской или даже радикальной исламистской, можно найти в Kabul Times от 29 августа 1970 года (конституционный и роялистский период):

«Что действительно нужно нашим крестьянам, так это чтобы все эти странные идеи были выброшены из их мозгов ...»